

Р. Роуз

ДВИЖЕНИЕ В ЕВРОПУ? ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ЦЕЛИ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАН*

* Материал, любезно предоставленный автором журналу «Политика», был подготовлен для Freedom House и лег в основу доклада Ричарда Роуза на международной конференции «Наведение мостов над новым водоразделом между Востоком и Западом: Россия и расширяющееся Евро-Атлантическое сообщество» (Будапешт, 30 января – 1 февраля 2003 г.). Перевод Е. В. Миллициной.

Оглядываясь на отрезок времени, прошедший после падения Берлинской стены и пытаясь оценить путь, проделанный рядом стран от своего коммунистического прошлого, задаешься вопросом: что эти государства представляют из себя сейчас и в каком направлении идут? Характер ответов во многом зависит от исходного ракурса рассмотрения. Смешивать все посткоммунистические страны в одну кучу столь же непродуктивно, как и ставить в один ряд Соединенные Штаты, Канаду, Бразилию и Чили лишь на том основании, что все они расположены в Западном полушарии. С точки зрения показателей развития свободы и демократии существуют заметные различия между странами Центральной и Восточной Европы, с одной стороны, и государствами, образовавшимися в результате распада Советского Союза, с другой. Точно также прослеживаются большие различия и между самими постсоветскими странами.

Десять стран Центральной и Восточной Европы – Болгария, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия и Словения – находятся на пороге вступления в Европейский Союз, либо ведут переговоры об этом. Уже сам по себе этот факт является очевидным свидетельством их демократической состоятельности. Ведь европейская организация отнюдь не ограничивается наличием единого рынка и общей валюты. Пятнадцать нынешних западноевропейских членов ЕС оговаривают принятие заявок от стран-кандидатов на вступление наличием в тех основных гражданских свобод и демократически избранных правительств. Согласно классификации Freedom House, представленной в его ежегодном исследовании «Свобода в мире», восемь стран Центральной и Восточной Европы (Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия и Словения) сочтены обладающими примерно тем же уровнем свободы, что и Великобритания. Румыния по этому показателю поставлена наравне с Грецией, а Болгария – с Индией или Мексикой.

Среди двенадцати государств, располагающихся на территории бывшего Советского Союза (исключая страны Балтии), имеется большой разрыв между странами, где задачи построения демократии в ее европейском понимании вообще не ставились, и странами, где достижения на этом поприще оказались небесспорными. Президент Турк-

менистана Сапармурат Ниязов вовсе не потерпел неудачу в построении демократического общества, а преуспел в последовательном установлении диктаторского режима. В Белоруссии Александр Лукашенко в сентябре 2001 г. остался у власти в результате проведения явно несвободных выборов. Обе эти страны, вкуче с Узбекистаном, Таджикистаном, Казахстаном и Киргизстаном, Freedom House определяет как «несвободные». Остальные шесть постсоветских государств классифицируются как «частично свободные».

Российская Федерация демонстрирует как позитивную, так и негативную стороны постсоветского развития. Страна живет в условиях выборной демократии, пройдя через серию конкурентных выборов и конституционную смену президентов. Тем не менее, это еще не служит гарантией верховенства закона. В годы президентства Ельцина государство оказалось пораженным коррупцией, затмившей соответствующие показатели предшествовавшего коммунистического периода. В то время как большинство россиян обладают гораздо большей свободой, чем когда-либо раньше, жители Чечни – российского же региона – страдают от операций по усмирению мятежников и военных бомбардировок, несоразмерных мерам по поддержанию внутреннего порядка. Средства массовой информации, настроенные критически по отношению к президенту Путину, оказались нейтрализованными сторонниками Кремля. С точки зрения президента Путина, Россия не плетется позади своих центрально- и восточно-европейских соседей, а пытается следовать собственным традициям, трактуемым прежде всего в понятиях сильного государства. В западных обществах сильное государство может быть правовым, но в России это не так.

До падения «железного завеса» имелось два способа определения пути, по которому двигались коммунистические страны – можно было брать на веру официальные заявления, либо читать между строк и полагаться на диссидентов и беженцев. Сегодня правительства в этом регионе куда меньше зависят от Маркса и при декларировании своих целей гораздо больше полагаются на предвыборную риторику. Альтернативой веры всему, что говорят политики, служит мнение населения о трансформации политической системы соответствующих стран. Оно определяется опросами общественного мнения, основанными на обычной социологической национально-репрезентативной выборке. «Новый Барометр Европы» пытается исследовать именно это. С 1991 года Центром по изучению публичной политики университета в Глазго проводятся замеры динамики общественного мнения в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Данные, представленные здесь, являются результатом исследования в рамках «Нового Барометра Европы» и относятся к десяти странам, нацеленным на вступление в Европейский Союз, и соотнесены с соответствующими показателями десятого опроса в рамках «Нового Барометра России»¹.

¹ Подробнее см.: www.cspp.strath.ac.uk

**Демократия
поддержана,
недемо-
кратические
альтернативы
отвергнуты**

Крах коммунистических режимов дал сотням миллионов людей свободу от жесткой опеки государства. В ходе опросов респондентам предлагалось сопоставить их нынешние условия с условиями при прежнем режиме. В частности, имелись в виду возможности говорить, что думаешь, иметь свободу религиозного выбора, вступать в любую организацию, и решать, принимать ли участие в политической жизни. В коммунистические времена для индивида небезопасно было даже простое дистанцирование от государства, например игнорирование вступления в определенные организации либо участие в обязательных и несвободных выборах. Внушительное большинство опрошенных во всех одиннадцати указанных странах утверждают, что стали чувствовать себя гораздо свободнее. Так, 87% россиян указали на ощущение большей свободы при принятии решений, связанных с религией; 81% – при выборе в пользу участия или неучастия в политической жизни; 79% – при рассмотрении возможности членства в той или иной организации; 78% отметили свободу говорить то, что они думают. Столь же высокие показатели характерны и для ответов жителей Центральной и Восточной Европы.

Хотя люди при желании могут игнорировать политику и политиков, необходимость в политических институтах остается. Каждому взрослому гражданину посткоммунистической страны пришлось жить при двух принципиально различных режимах. В этой связи «Барометр» включил в свое обследование вопрос об оценке как предшествовавшего коммунистического режима, так и нынешней системы, основанной на избираемости власти и многопартийности. Подобная оценка могла быть сделана по шкале «рай/ад», где верхний предел предполагал полное удовлетворение, а нижний – столь же полное неприятие.

Как видно из табл. 1, между исследуемыми странами прослеживается заметная разница во мнениях относительно прежней власти. Для россиян коммунистическое государство в гораздо большей степени ассоциировалось с естественным порядком вещей, поскольку за время его существования сменилось несколько поколений, а сама страна выдвинулась на роль бесспорного военного лидера континента. Неудивительно, что 72% опрошенных дают старому режиму позитивную оценку. В Центральной и Восточной Европе наблюдается большой разброс в оценках прошлого, от наиболее либерального, как в Венгрии, где более двух третей опрошенных настроены позитивно, до Чешской Республики, где таковых менее трети.

В ответах центрально- и восточно-европейцев, касающихся настоящего времени, доля позитивных оценок проявляет тенденцию к росту. Позитивное отношение демонстрируют от двух третей и более чехов, эстонцев, венгров, поляков и словенцев. А в Словакии и Литве такую оценку дают менее половины опрошенных. Часть словаков остается недовольной распадом Чехословакии, другие же не удовлетворены тем, как страна управлялась с момента обретения независимости. Подобную же неудовлетворенность испытывают и многие литов-

Таблица 1 Отношение к прежнему, нынешнему и будущему режимам* (% относящихся позитивно).

	<i>Прежний режим</i>	<i>Нынешняя система</i>	<i>Обозримая перспектива</i>
Чехия	31	76	83
Словения	64	75	73
Венгрия	68	76	87
Эстония	61	69	81
Польша	61	66	77
Болгария	57	59	58
Латвия	63	53	74
Румыния	55	50	62
Литва	54	46	54
Словакия	61	39	49
Страны Новой Европы	57	61	68
Россия	72	47	62

* Под «будущим» имеется в виду система правления, каковой она видится респондентам через 5 лет.

Источник: Centre for the Study of Public Policy New Europe Barometer 2001 and New Russia Barometer 2001.

цы, хотя в этой стране и не наблюдается, как это имеет место в Латвии и Эстонии, противостояния между балтийскими гражданами и русскоязычными негражданами. Уже на второй год правления Владимира Путина число россиян с положительным отношением к новой политической системе стало расти, тем не менее они все еще составляют меньшинство.

Почти в каждой из обследованных стран большая часть населения склонна видеть свое политическое будущее в оптимистических тонах. На вопрос, каковым оно представляется им пять лет спустя, в позитивном ключе высказались в среднем 68% центрально- и восточно-европейцев, и 62% россиян (табл. 1). Наибольший оптимизм питают жители Чехии, Эстонии, Венгрии и Польши, где соответствующие показатели превышают 80%. Даже в тех странах, где будущее видится не до такой степени оптимистично, позитивная доминанта также вполне очевидна.

В привлечении массовой поддержки новые демократии невольно «конкурируют» с недемократическими альтернативами. Ведь каждый взрослый житель посткоммунистической страны жил, по крайней мере, при одной форме недемократического правления. Повсеместно переходу к свободе сопутствовали экономические издержки, поскольку, как следует из любого учебника по экономике, бесплатных обедов не бывает.

Начало трансформации нерыночной командной экономики в рыночную вызвало сильный шок. Первые несколько лет сопровождались ростом государственного долга и взлетом цен. В странах Центральной и Восточной Европы адаптация к рыночной экономике началась быстро и вскоре стала приносить свои плоды, хотя это ощутили и не все семьи. Но шок от экономической трансформации оставил психологический след, особенно в России, где экономика еще нуждается в выздоровлении.

В ходе проведения опросов Барометра респондентам задавался вопрос, будут ли их страны лучше управляться, если нынешняя система будет заменена одной из трех хорошо знакомых всем альтернатив: возвратом к коммунистическому режиму, установлением военного режима или диктатуры (см. табл. 2). В среднем более четырех пятых жителей Центральной и Восточной Европы отвергает возврат к коммунистическому правлению. Даже там, где, как в Словакии и Словении, изменились не только политические системы, но и государственные границы, большинство не желает возвращения к наднациональному коммунистическому режиму.

Таблица 2 **Склонность к допущению недемократических альтернатив (% респондентов, рассматривающих таковые в качестве предпочтительных вариантов).**

	<i>Возвращение коммунистов</i>	<i>Приход к власти военных</i>	<i>Установление диктатуры</i>
Словакия	30	3	25
Болгария	27	32	28
Словения	23	6	27
Польша	23	6	33
Чехия	18	1	13
Румыния	19	14	32
Венгрия	17	2	17
Литва	14	5	40
Эстония	8	2	40
Латвия	7	4	38
Страны Новой Европы в целом	18	6	29
Россия	47	15	31

Источник: Centre for the Study of Public Policy New Europe Barometer 2001 and New Russia Barometer 2001.

При оценке центрально- и восточно-европейцами коммунистического прошлого, только одна треть из рассматривающих его позитивно, действительно желала бы вернуться к однопартийному госу-

дарству. Например, в то время как две трети венгров положительно относятся к своему старому и относительно нерепрессивному режиму, только одна шестая опрошенных хотела бы его возврата. Того же хотят менее половины россиян. Хотя многие из сегодняшних активных политиков имеют коммунистическое прошлое, они зарекомендовали себя явными оппортунистами, предавшими забвению избирателей в рамках рыночно-ориентированных программ. Те коммунисты, которые, как в России, остаются в целом приверженными старой системе, не выигрывают выборы.

Антикоммунистические и антироссийские настроения в Центральной и Восточной Европе часто связаны с национальными ценностями и традициями. В период между двумя мировыми войнами эти традиции часто приводили к власти сильной личности или военного диктатора. Коммунисты избрали простой способ установления гражданского контроля над военными: генералов, заподозренных в нелояльности, лишали их званий отправляли в ГУЛАГ или расстреливали. В странах Варшавского договора от высшего генералитета национальных армий и не ожидалось верности своим национальным правительствам, поскольку команды они получали непосредственно из Москвы. Поэтому неудивительно, что 95% опрошенных отвергают идею контроля армии над правительством, а в России пятеро из шести против того, чтобы военные были вовлечены в политику.

В то время как большинство повсеместно отвергает мысль об отказе от избираемого парламента в пользу сильного лидера, во многих странах меньшинство продолжает высказываться в пользу диктатуры. В каждом из трех Балтийских государств соответствующий показатель достигает одной трети. Доля отвергающих диктатуру наиболее высока в Чехии и Венгрии, где менее одной шестой опрошенных положительно относятся к концентрации власти в руках сильного человека. В Румынии, где правление Николае Чаушеску сочетало в себе худшие традиции балканского деспотизма и сталинизма, более двух третей отвергают диктатуру. Даже несмотря на то (или потому), что русские пребывали в условиях правления одного человека или одной партии на протяжении длительного времени, также более двух третей опрошенных высказались против диктатуры.

Десять лет жизни при системе правления демократической по форме, но часто неэффективной по сути, сделали четыре пятых опрошенных осторожными в оценке привлекательности демократии. Когда Новый Барометр Европы выяснял степень удовлетворенности функционированием демократии в той или иной стране, в среднем только 2% признались, что они «очень довольны» и 18% – что «очень недовольны» существующим режимом (см. рис. 1).

В Чехии и Словении абсолютное большинство считает себя достаточно удовлетворенными, в то время как в Болгарии и Румынии положительный ответ дает менее чем одна треть опрошенных. В восьми странах, где большинство недовольно настоящим положением ве-

Рисунок 1 Степень удовлетворенности демократией в собственной стране (в среднем по 10 странам Восточной и Центральной Европы)

Источник: Centre for the Study of Public Policy New Europe Barometer 2001

шей, самая большая группа состоит из тех, кто не достаточно удовлетворен, а не выражает крайне негативное отношение.

Люди, пережившие коммунизм, часто имеют веские причины быть критичными и к новому режиму, поскольку они испытывают на себе последствия реформ, связанные с радикальными переменами. Чиновники Европейского Союза также имеют это в виду, когда обсуждают с правительствами стран Центральной и Восточной Европы сотни детальных административных и юридических стандартов, которые должны быть соблюдены в качестве условия принятия в ЕС. В проявлении неудовлетворенности своими правительствами люди пользуются демократическим правом говорить то, что они думают. Такое же право часто используется и в стабильных демократиях Европы и США, когда избиратели разочарованы действиями избранных ими правительств.

Главный вопрос для России – является ли страна демократической? Если исходить из простейшего из электоральных стандартов, кажется, что да, поскольку в России проходят достаточно свободные и конкурентные выборы. Однако исследование «Свобода в мире», проводимое Freedom House, исходя из существенного сокращения политических прав и гражданских свобод, классифицирует страну как «частично свободную», Новый Барометр России выяснял у жителей страны, как бы они разместили настоящую систему правления на десятибалльной шкале, начиная от абсолютной диктатуры и заканчивая абсолютной демократией. Группа в 34% расположила ее посередине между этими двумя крайними точками, что совместимо с рейтингом Freedom House. 42% оценивают новый режим как более демократический, нежели диктатура, в то время как 24% характеризуют власть в Российской Федерации как близкую к диктатуре.

Проблема законности

Народы Центральной и Восточной Европы научились ценить законность, так как их история – это история репрессий и коррупции, что хорошо иллюстрируется проведенным Джанин Ведел исследова-

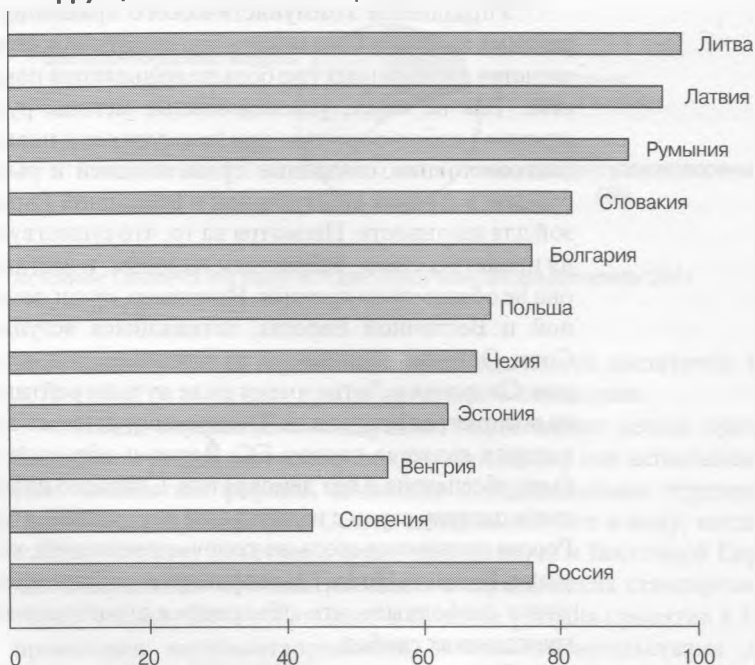
нием Польши при военном режиме 1980-х гг. Есть поговорка: «Закон это дверь, которая стоит на середине поля. Ты можешь пройти через нее, если хочешь, но ты не обязан».

Упразднение коммунистического правления и введение конкурентных выборов показывает, что политические репрессии для большинства опрошенных уже больше не являются поводом для беспокойства. Тем не менее, унаследованные методы руководства государственной собственностью при коммунизме и новые возможности для благосостояния, созданные приватизацией и рынком, сделали коррупцию в странах Центральной и Восточной Европы основной угрозой для законности. Несмотря на то, что существует взаимосвязь между правительством, избранным народом, и честным правительством, она не обязательно прочная. Например, среди десяти стран Центральной и Восточной Европы, готовящихся вступить в Европейский Союз, Эстония оценивается на том же уровне, что и Италия. А Венгрия, Словения и Литва имеют даже лучшие рейтинги согласно Индексу восприятия коррупции Transparency International, нежели Греция, которая является членом ЕС. Верно и обратное: законность может быть обеспечена и без демократии. Согласно индексу, Сингапур входит в пятерку стран с наименьшей коррупцией в мире, в то время как Россия признается столь же коррумпированной, как Пакистан. Тем не менее, Freedom House классифицирует и Сингапур и Россию как «частично свободные», что объясняется ограничениями политических и гражданских свобод.

На вопрос о распространении коррупции среди должностных лиц, в среднем 73% опрошенных отвечают, что большинство или почти большинство всех должностных лиц берет взятки и распределяет блага (см. рис. 2). Восприятие коррупции самое высокое в Литве и Латвии, что не связано с присутствием там большого числа русских. Действительно, процент воспринимающих коррупцию больше в этих странах, чем в Российской Федерации и в Эстонии, где также существует большая русская диаспора. Большинство в Словении и почти половина опрошенных в Венгрии отвергает предположение, что многие чиновники коррумпированы. В странах, исследованных Новым Барометром Европы, только 28% населения доверяют полиции, 25% доверяют судебной системе. Эти цифры отражают подозрения, что в некоторых случаях полиция может срастаться с криминалом, а не бороться с ним.

Практика частого пренебрежения законами, ставшая обычной темой для средств массовой информации, становится фактором воздействия на рядового избирателя, на его требования к власти. Для определения особенностей взаимоотношения населения с чиновниками Новый Барометр Европы включил вопрос о реакции людей в случае, если вместо выдачи запрашиваемого официального разрешения им предлагают быть терпеливыми и ждать. Только 23% надеются, что чиновники ответили бы быстро и без принуждения, и 18% – что при-

Рисунок 2 Масштабы коррупции и взяточничества (% респондентов, подозревающих большинство или почти всех должностных лиц в коррупции и взяточничестве)

Источник: Centre for the Study of Public Policy New Europe Barometer 2001 and New Russia Barometer 2001.

нуждение дало бы результат. Две пятых готовы нарушить закон сами, чтобы добиться результата: 35% рекомендуют дать взятку или использовать связи, а 6% предполагают добиваться результата любыми доступными средствами.

Остальные вообще не видят возможностей заставить чиновников выполнять их работу, связанную с обращениями граждан.

С точки зрения соблюдения законности российская ситуация является экстремальной. Поскольку страна богата нефтью, газом, алмазами, золотом и другими полезными ископаемыми, чрезвычайно большими оказывались искушения для проведения номенклатурной приватизации и подкупа чиновников для уклонения от налогов. Простые россияне рассматривают закон как выборочно навязываемый. Когда Новый Барометр России выясняет, накажет ли судебная система совершивших уличное воровство, чуть больше половины отвечают утвердительно. Тем не менее, только 28% думают, что суд накажет бизнесменов, которые не платят налоги, и только 20% – что накажут чиновников, которые берут взятки.

Россияне осознают проблему и она очень им не нравится. Опросы общественного мнения показывают, что граждане России хотели бы быть нормальным обществом, где честное правительство и где нечестные люди садятся в тюрьму, а не едут в свои резиденции в Швейцарии, Лондоне или Нью-Йорке. Столкнувшись с этой ситуацией, президент Владимир Путин дал сомнительное обещание установить «диктатуру закона».

Таблица 3 Доверие политическим институтам* (% доверяющих)

	Парламент	Партии	Суды	Полиция
Болгария	26	25	24	31
Чехия	20	22	34	40
Польша	20	8	25	36
Венгрия	16	14	36	29
Румыния	13	9	19	24
Словения	10	8	26	30
Эстония	10	8	26	19
Литва	9	8	16	26
Латвия	8	7	24	27
Словакия	9	9	15	21
Страны Новой Европы в целом	14	12	25	28
Россия	7	7	23	13

* Индекс доверия к институтам рассчитан по семибальной шкале и включает в себя показатели с 4 до 7.

Источник: Centre for the Study of Public Policy New Europe Barometer 2001 and New Russia Barometer 2001.

Коррупция в эшелонах власти порождает недоверие к общественным институтам. Хотя Центральная и Восточная Европа демонстрируют более высокие показатели участия в национальных выборах, чем США, большинство избирателей не доверяет тем политикам и партиям, за которых они голосуют (см. табл. 3). Степень доверия политическим партиям ниже, чем любым другим общественным институтам. По всему региону Центральной и Восточной Европы только один из восьми опрошенных доверяет партиям. Самый низкий уровень доверия зафиксирован в Болгарии, где партии уходят корнями в коммунистическую систему. Единственное различие между странами – в уровне недоверия. Только в семи из них доверяют депутатам парламентов. И здесь самый низкий уровень доверия у той же Болгарии. В России, по сравнению со странами Центральной и Восточной Европы, степень доверия институтам власти еще ниже: только 7% доверяют парламенту, и только 7% – партиям. Борис Ельцин и Влади-

мир Путин поступили в соответствии с этими устоявшимися взглядами, провозглашая себя независимыми кандидатами и выигрывая президентские выборы.

Могут или нет посткоммунистические режимы считаться демократическими, они при этом вряд ли могут считаться новыми демократиями. Вопреки некоторым прогнозам, центрально- и восточно-европейские режимы не возвратились к недемократическим формам правления, которые были для них нормой до Второй мировой войны. За последние десять лет среди политических элит укрепилось отношение к новой системе как к единственно приемлемой. Способом же обретения власти стала победа на выборах, а не объявление таковых недееспособными. Обществом приняты эти правила игры, а недемократические альтернативы отторгаются.

В демократических странах Центральной и Восточной Европы большинство граждан отчасти не удовлетворено тем, как работает демократия, но они вполне солидарны с точкой зрения, которую Уинстон Черчилль выразил в 1947 г. в британской Палате Общин: «Никто не может утверждать, что демократия безупречна или абсолютно мудра. Демократия – худшая форма правления, но все остальные еще хуже».

В Центральной и Восточной Европе все еще есть нестабильные регионы, в частности, Албания, Босния-Герцеговина, Косово, Македония. Тем не менее, принимая во внимание наличие значительных этнических меньшинств в Болгарии, Эстонии, Латвии, Румынии и Словакии, удивительно, что удалось избежать существенной дестабилизации ситуации. Весомое большинство жителей стран Центральной и Восточной Европы поддерживают форму смены правительства через урны для голосования, что совсем не малое достижение, если оглянуться на историю этих стран в XX веке.

Возникновение на пространстве бывшего Советского Союза новых режимов имело неоднозначные последствия. Эти страны оказались как бы отрезанными от Европы. Для вступления в Европейский Союз государства-кандидаты должны быть демократическими, а не просто частично свободными. Через географию, историю и культуру можно объяснить, почему постсоветские центрально-азиатские страны далеки от европейских и демократических стандартов. Гораздо сложнее сделать это в отношении России, Украины, Молдовы и особенно Белоруссии, которые непосредственно граничат с Польшей и другими готовящимися к вступлению в ЕС странами. Для того, чтобы рассматривать их вступление в ЕС, эти страны должны установить законность в экономике и соблюдать политические права. Но существует сильное внутреннее давление на сохранение status quo, который дает широкие возможности для теневого посткоммунистического перераспределения власти и капитала, позволяет избегать проверки правильности результатов голосования. Путь, по которому идут частично свободные и часто коррумпированные страны-преемники Советского Союза – это дорога, ведущая в никуда.

Исключение из Европы, тем не менее, не означает удаления с мировой арены. Демократическое правление не является условием для членства в ООН или для получения средств Всемирного банка и Международного валютного фонда. Американская озабоченность национальной безопасностью после террористических актов 11 сентября дает Вашингтону повод проявлять повышенный интерес к недемократическим постсоветским странам, которые граничат с Афганистаном. Более того, президент Путин продемонстрировал желание увязать антитеррористическую войну Америки с внутренней войной России в Чечне.

Поскольку страны Центральной и Восточной Европы перешли от переговоров к порогу полноправного членства в Европейском Союзе, демократические процессы должны набирать силу. Новые члены будут участвовать в управлении ЕС и получат от пребывания там экономические преимущества. Страны, которые остаются на листе ожидания, будут продолжать переговоры, в ходе которых Брюссель предложит техническую помощь и финансовые гранты для улучшения качества управления с коррупцией. Неизбежны выпады националистов против вступления в ЕС и объявления таковых угрозой суверенитету и национальным традициям. Подобная критика все еще слышна и в странах ЕС, включая Великобританию и Францию. Но до тех пор, пока проводятся свободные и честные выборы, граждане будут иметь возможность решать, двигаться ли им в сторону стандартов, провозглашаемых пятнадцатью странами-членами ЕС, или идти по пути стран-преемниц Советского Союза.